

ГЛАВЫ ИЗ УЧЕБНИКА

В блоке биографических статей (Евгений Кулешов о С. Маршаке, Мария Литовская об А. Гайдаре и Светлана Маслинская о К. Чуковском) представлены главы из учебника «Русская литература XX века: 1932–1953 гг.»: в 2 кн. / под ред. Н. Л. Лейдермана, М. Н. Липовецкого и М. А. Литовской. Очерки демонстрируют современные подходы к составлению краткой писательской биографии.

Ключевые слова: С. Маршак, К. Чуковский, А. Гайдар, биография писателя, 1930–1950-е гг.

Несколько слов о публикации «Главы из учебника»

Почему мы включили в учебник по истории литературы 1930–1950-х гг. главы о детской литературе? Ведь обычно детская литература выносится за «скобки» и рассматривается как нечто сопоставимое с классикой литературы «взрослой».

Начать с того, что самое это разделение представляется нам архаичным и немотивированным. Детская литература, как известно, «принимает» книги, написанные совсем не для детей (реже случается наоборот, но все-таки случается — «Алиса» Л. Кэрролла тому примером). Да и писатели, само собой, могут писать как «взрослые», так и «детские» тексты параллельно и в одно и то же время, что в советский период происходило сплошь и рядом. Однако, это, так сказать, рассуждения широкого порядка.

Говоря же более конкретно о литературе 30–50-х, то есть о литературе «высокого сталинизма», нельзя не заметить то особое значение, которое детская словесность приобретает в это время, а точнее, в 30-е гг. Это значение было не свойственно ей ни до, ни после 30-х. В 40–50-е оно угасает. В 60-е и вовсе сходит на нет, возвращаясь в гораздо меньшей степени в 70–80-е. Коротко говоря, детская словесность образует оазис *живой литературы*, сопоставимый с непечатными романами Платонова, Булгакова, Набокова, стихами Мандельштама, Ахматовой и Кузмина. Но «детский» оазис, в отличие от советского андеграунда и эмиграции, существует целиком и полностью в зоне «разрешенной» и публикуемой литературы, являясь для многих авторов средством заработка.

Существует версия, утверждающая, будто детская литература во времена идеологического диктата, стала своего рода убежищем

для талантливых писателей, будто бы щупальца соцреализма не дотянулись до детской литературы, и потому в ней расцвели такие разные таланты, как Гайдар и Хармс, Чуковский и Бажов, Каверин и Житков и мн. др. Однако, как показывают исторические исследования (прежде всего, М. Балиной), надзор за детской литературой и преследования за «идеологические ошибки» носили в ней не менее свирепый характер, чем во взрослой литературе. Как напоминает А. Кобринский, разгром Д. Хармса за его детские книжки, обрекший писателя на годы безденежья, последовал почти сразу за разгромом Л. Добычина, который привел этого писателя к самоубийству. Опять же в детской литературе, как и во взрослой, немало было случаев деградации выдающихся талантов, пытавшихся писать в унисон с идеологической доктриной — примером тому не только творчество С. Михалкова, но и эволюция С. Маршака.

Детская литература в 30-е гг. функционирует «неправильно». Ведь обычно в детской литературе вторую жизнь проживают эстетические системы, где-то около десятилетия тому назад сошедшие с авансцены. По этой логике, к 30-м гг. детская литература оказалась готовой ко всему спектру *модернистских* и *авангардных* эстетических течений, расцветших в 1910–1920-е гг.: неоромантизму (Гайдар), абсурдизму (Хармс), гротеску в сочетании с поэтической свободой (Чуковский), «серапионству» (Каверин), психологическому гипернатурализму в духе Пруста (Фраерман), модернистской критике символизма («Золотой ключик») и т. п.

Однако, это «оседание» новаторских эстетик в детской литературе происходит именно в тот момент, когда «формализм» становится жупелом и модернистская эстетика преследуется как «буржуазное искусство». Иными словами, детская литература превращается в заповедник модернизма именно тогда, когда *модернизм* и *авангард* становятся бранными словами.

Таким образом, на поле детской литературы лоб в лоб сталкиваются логика историко-литературного процесса и воля идеологического диктата. И тут обнаруживается, что идеологический диктат не способен полностью изменить естественный ход литературы. Почему? Это вопрос требующий внимательного исследования. Выскажем лишь несколько предположений.

Во-первых, потому что в детской словесности было возможно отсутствие прямой политизации. Нет, разумеется, политическая идеология проникала и в детскую литературу, но все же не поглощала ее в той мере, в какой этот процесс происходил в литературе

для взрослых. Что же касается непрямой политизации, то тут возникал особый парадокс: можно, конечно, было найти политические аллегории в стихах Хармса или сказках Чуковского. Но сам поиск таких аллегорий ставил «ищущего» в опасное положение: прежде всего тем, что толкал на *заведомо непочтительное* сопоставление смешных детских текстов с серьезными и опасными доктринами (на такое был способен только Сталин, «процитировавший» «Тараканнице» в своей речи против «правой оппозиции» на XVI-м съезде).

Во-вторых, спасительным для детской литературы 30-х гг. оказалась сама нарастающая иерархичность советской культуры. Детская литература в этой стремительно затвердевавшей иерархии смещалась на нижние этажи, и любая попытка переводить на «детский» язык идеологический дискурс была чревата «опошлением», а это была опасность пострашнее «формализма». Вот почему модернистское мифотворчество, в полной мере усвоенное детской литературой 30-х гг., не воспринималось партийным начальством как серьезная полемика и конкуренция идеологическим мифологиям, прокачиваемым через каналы соцреализма.

Таким образом, мифы, создаваемые детской литературой, были заведомо смешными и несерьезными — и сама *несерьезность* детской литературы (опять же, несмотря на все усилия «осерьезнить» ее) оставалась ее охранной грамотой и в то же время служила почвой для художественных экспериментов, изумительного юмора и фантазии. Но именно их «несерьезность» обеспечила лучшим детским книгам, написанным в 30-е, ту степень внутренней свободы, благодаря которой они остаются живыми и поныне.

Именно в силу этих особенностей панорама русской литературы сталинского периода неполна без обсуждения детской литературы. Она, наряду с классикой русского модернизма, созданной в это время без надежды на публикацию в России, свидетельствовала о внутренней логике литературы, не поддающейся даже самому жестокому идеологическому контролю, как река, прорывающая или огибающая самые высокие плотины.

М. Липовецкий